

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 28-го марта 1904 года.

Маньчжурія и ея населеніе.

(Окончаніе, — см. иллюстрир. прилож. къ № 35 „Сиб. Жизнь“).

Г. Манакинъ имѣлъ возможность наблюдать маньчжурскіе отряды. Описание одного изъ нихъ онъ даетъ въ запискахъ Читинскаго Отдѣленія Геогр. Об.—ва. Вып. IV за 1901 годъ.

„Отрядъ, пишетъ авторъ, состоятъ преимущественно изъ пѣхоты, число которой доходило до одного „лина“—500 человекъ; кавалеристовъ не болѣе 50—60 человекъ. Въ главѣ отряда Цанъ-Линъ (полковникъ), головной уборъ котораго былъ украшенъ синимъ матовымъ шарикомъ. При Цанъ-Линѣ находился ближайшій помощникъ Фуцанъ-Линъ съ бѣлымъ хрустальнымъ шарикомъ и 4 младшихъ офицера: два съ золотыми и два съ серебряными шариками.

Всѣ солдаты имѣли одинаковую одежду, состоящую изъ цвѣтной широкой куртки, расшитой тесьмами и такихъ же цвѣтныхъ панталонъ. Головные уборы—остроконечный соломенный съ красными султанами шляпы, у унтеръ-офицеровъ—украшенная кромѣ того мѣдными шариками. Вооруженіе пѣхоты состояло изъ пистолетныхъ ружей, кавалеристы имѣли короткий карабинъ, заряжающійся съ кааны, напоминающей систему Гра. Холоднаго оружія у пѣхоты нѣтъ, у кавалеристовъ имѣются короткіе мечи, прикрѣпленные къ лѣвой сторонѣ сѣдла подъ вольтрапомъ. Всѣ офицеры были верхами и у каждаго имѣется мечъ въ бархатныхъ ножнахъ, также прикрѣпленный къ сѣдлу. Въ отрядѣ особенно была замѣтна масса большихъ знаменъ и черныхъ, и красныхъ, и бѣлыхъ, и желтыхъ, но обязательно попарно каждаго цвѣта. Большая часть солдатъ и пѣшихъ и конныхъ имѣли зонтики. Порядка при движеніи не было никакого, весь отрядъ разстелился верста на 70, при чемъ пѣхотинцы ѣхали кучками на подводахъ, а кавалеристы въ 10—12 человекъ, верхами“.

Въ мѣстностяхъ давно заселенныхъ, и въ городахъ не рѣдко маньчжуры живутъ въ прочныхъ кирпичныхъ или каменныхъ домахъ; въ дѣвственныхъ мѣстахъ дома бревенчатые, а въ бездѣльныхъ изъ сырца или изъ глины. Въ деревняхъ дома обнесены, въ видахъ охраны, высокими частоколами или глинобитной стѣной; къ ней же примыкаютъ и всѣ хозяйственные постройки. Домъ и дворъ всегда обращены выходомъ на югъ. По бокамъ кирпичныхъ воротъ красуются намаленные яркими красками два воина, изображенія воинственнаго божества Гуанъ-ди со спутникомъ, долженствующія отгонять отъ дома злыхъ духовъ. Дома низкіе, одноэтажные: въ окнахъ раздвижныя рамы, заклеенныя промасленной бумагой. Внутри, черезъ весь домъ въ длину расположены широкая нары — „канъ“—изъ камня, шириной до 2 аршинъ. Внутри „кана“ проходитъ дымовая труба, прилегающая къ очагу. Канъ покрывается циновками и служитъ столомъ, сидѣньемъ и кроватью; другой мебели въ домѣ нѣтъ.

По одеждѣ маньчжуры весьма походятъ на китайцевъ: мужчины носятъ короткую куртку съ широкими рукавами, длинные широкіе шаровары, подвязанные снизу, и туфли на толстой войлочной подошвѣ, на головѣ войлочную или китайскую шляпу. Господствующій цвѣтъ одежды синій. Женщины одѣваются въ длинные халаты, подпоясанные шарфами. На головѣ устраиваютъ причудливыя напоминающія японскую: въ волосѣ втыкается серебряная рѣзная шпилька. Мужчины носятъ косы. Румяна у женщинъ въ большомъ ходу.

Маньчжуры—большие и страшные курильщики, взрослые и дѣти. Блѣтъ они малю, разъ въ день, преимущественно вареную булду и овощи на маслѣ, добываемомъ изъ растенія сезамъ. Мясо ѣдятъ рѣдко, а молоко употребляютъ только

дѣти и женщины. Пьютъ нагрѣтый въ мѣдныхъ графинахъ ханьшинъ.

Какъ уже выше сказано, маньчжуры главнымъ образомъ состоятъ на службѣ. Изъ ихъ рядовъ выбираются административныя лица и главнымъ образомъ вся охрана страны. На нашемъ рисункѣ изображенъ фудутунъ (губернаторъ) Бордо-чанскаго фудутунства.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ военныхъ путешественниковъ г. Манакинъ, приемъ его

Бордо-чанскій фудутунъ (Губернаторъ).

фудутуномъ г. Мергана. „Намъ предшествовали 4 унтеръ-офицера въ видѣ почетнаго караула и сопровождало нѣсколько человекъ разной челяди и переводчиковъ. Самъ фудутунъ встрѣтилъ насъ на порогѣ своего дома. Губернаторскій домъ—это тоже одноэтажная фанза, но нѣсколько большихъ размѣровъ, для входа въ нее необходимо пройти нѣсколько внутреннихъ дворишковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга заборами, и даже одну конюшню съ стоящими здѣсь ло-

Маньчжурская повозка.

шадьми. Передъ первымъ входомъ стоитъ деревянный шитъ, сажени въ 2 величины, на которомъ изображенъ дикій вепрь—гербъ, присущій званию фудутуна. Приемная фудутуна тѣсная, довольно невзрачная, 4-хъ угольная, низкая небольшая комната, обитая китайской бумагой. По стѣнамъ нары съ небольшими квадратными столиками посрединѣ. На нарахъ красные тюфики. По стѣнамъ висятъ сѣдло съ приборомъ, лукъ, стрѣлы, мечъ, доски съ рельефной картиной и изреченіями изъ законовъ. На столикахъ красуются кувшины для куренія опиума, здѣсь же лежитъ жестяная спичечница съ надписью „Paris“, вѣроятно souvenir одного изъ путешественниковъ.

Мы развѣстились на нарахъ, по бокамъ столиковъ, при чемъ казакъ пришлось сидѣть рядомъ съ фудутуномъ. Кромѣ насъ развѣстились

въ той же пріемной полиціймейстеръ и еще 2—3 сапожника города. Всѣ были въ парадныхъ костюмахъ... „Разставался съ фудутуномъ, мы предложили ему и присутствующимъ на память небольшіе подарки, въ видѣ бинюля, портсигаровъ и спичечницъ, которые были приняты весьма охотно. Въ тотъ же день въ нашъ лагерь были присланы отвѣтные подарки фудутуна: кусокъ чешу-чи, нѣсколько фунтовъ сахараледенца, чай, печенье и живой иргонъ (баранъ).

Маньчжуры занимаются и земледѣліемъ. Пахутъ плугомъ въ родѣ нашего, боронятъ деревянной бороной, употребляютъ на работу лошадей и воловъ. Пашня представляетъ собой параллельный рядъ грядокъ, сѣмена сѣютъ въ вершинахъ грядокъ. Когда появятся всходы, борозды углубляютъ нѣсколько разъ и выпалываютъ сорную траву. При засухѣ землю разрыхляютъ особыми лопатами, сѣютъ въ половинѣ малъ пшеницу, горохъ, бобы, махъ, ячмень и овесъ, а также особый родъ проса, (буа) и наконецъ, табакъ. У маньчжуровъ развито огородничество; въ огородахъ садятъ кукурузу, тыквы, огурцы, рѣдкую, редисъ, салатъ, капусту.

Скотоводство является подсобнымъ занятіемъ. Лошадей держатъ въ большомъ количествѣ для извоза и для почтовой гоньбы. Повозки на двухъ колесахъ, какъ показано на нашемъ рисункѣ. Для перевозки тяжести употребляютъ повозки, названія, на массивныхъ колесахъ, въ дышловою запряжкѣ.

Маньчжуры—буддисты. Ламаизмъ, однако, не можетъ считаться въ Маньчжуріи строго господствующимъ. Населеніе, можно сказать, равнодушно относится къ различнымъ формамъ вѣрованій. Шаманство распространено въ значительной мѣрѣ.

Ламаическое духовенство здѣсь, въ Маньчжуріи, давно не имѣетъ такого вліянія и авторитета, какимъ оно пользуется въ Монголіи. Кумири здѣсь очень скромны на видъ и не многочисленны, а наряду съ этимъ не рѣдко, пробѣгая по деревнямъ, можно слышать звуки бубна и гонгъ шамана, раздающіеся у маньчжурской фанзы.

Изъ другихъ народностей, проживающихъ въ Маньчжуріи, отмѣнимъ дауровъ и салонговъ.

Дауры въ XVII столѣтіи жили главнымъ образомъ въ верхнемъ теченіи Амура, по р. Аргуніи и по Зеѣ. Это воинственное племя расположилось за земляными окопами и деревянными стѣнами въ городахъ и крѣпостяхъ, управлялись князьями.

Со времени занятія русскими Амура, дауры обратились за поддержкой и защитой къ маньчжурамъ и по распоряженію китайскаго правительства переселились въ долину р. Нони, Цицзянскаго округа. Мѣстность эта исключительно занята даурами и сюда китайская колонизація проникаетъ мало.

Нынѣ дауры живутъ по р. Нони въ деревняхъ, не свѣсившись съ другими племенами, занимающаго главнымъ образомъ земледѣліемъ, огородничествомъ и нѣкоторая часть въ значительной мѣрѣ охотой въ наиболее отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ сѣвера.

Высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія—дауры считаютъ энергичнымъ племенемъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ мальчики привыкаютъ съ удивительной ловкостью владѣть лукомъ, переносятъ всѣ невзгоды и опасности жизни полудикарей. На нашемъ рисункѣ изображенъ мальчикъ дауръ, стрѣляющій изъ лука. Но въ общемъ нынѣ даурское населеніе является миробюбивыми земледѣльцами. Группа мужчинъ и дѣтей изображены здѣсь на приложенной фотографіи.

Дауры—шаманисты; по обычаямъ, складу жизни, одеждѣ и домашней обстановкѣ они нигдѣмъ не отличаются отъ маньчжуровъ. Умершихъ своихъ дауры не хоронятъ въ земляхъ, а въ гробу поднимаютъ на деревня, или устанавливаютъ въ роуцѣ на подставкахъ, какъ это видно на рисункѣ.

Значительно менѣе сохранили свою самобытность и племенную чистоту салоны, живущіе

докольно въ одной рубахѣ звонить лаку, а ни разу даже простой ломоты не было. Значитъ, человѣкъ и твердый и въ натурѣ у меня колебания нѣту.

— Какъ это „колебания нѣтъ“? — поинтересовался учитель.

— И умственность у меня, значить, правильно налажена. Я и поѣмъ во время, и посплю во время, и хозяйку побью во время, — все къ своему часу. И отъ этого у меня твердость образуется. А есть которые люди, что всякій день туда да сюда шатаются. Умственность, значить, слабая у нихъ... Отъ умственности и здоровье портится.

— И у меня поэтому, умственность слабая? — улыбнулся учитель.

— Не безъ того... Вы какъ на село прѣхали, да приглядѣлся я къ вамъ, такъ сразу увидѣть, что изъ васъ большаго проку не будетъ... Опять же мужики вамъ благодарность понесли — а вы не приняли. Развѣ можно благодарность не принять? Сразу вы себя и поставили, Александра Николаича, на настоящую точку... Мужики — имъ уваженіе надо показать. Что-бы они, значить, поняли, что ты — баринъ, а они — хамово отродье и больше ничего... Хорошо развѣ вышло, что благодарность-то не приняли? Опять же по части ученья. Парнишекъ бить надо, что-бы не баловались, а вы имъ сказки сказывали... „То да се, въ тридцатомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ“... Умственность-то — она и не вышла. Ни у васъ хозяйства, ни у васъ благодарности, ничего нѣтъ.

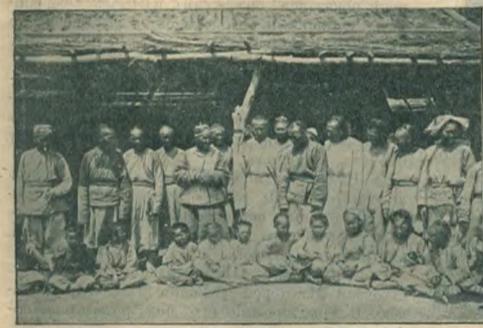
— Значитъ это тоже къ умственности относится — благодарность принимать? — оскѣдился учитель.

— Какъ сказать... Все въ свою долю шло въ подлнть. У насъ, вонъ, волостной писарь подъ судъ пошелъ за благодарность-то. Значитъ дуракъ, потому-что не съ того края началъ.

А вы возьмите сосѣдняго учителя, Прова Лукича, то есть. У него этой умственности у-ухъ сколько!

— Подлецъ онъ — этотъ Провъ Лукичъ! — сказалъ учитель, котораго начинала раздражать болтовня сторожа.

— Зачѣмъ подлецъ? — искренно удивился тотъ. — Своей пользы не забываетъ, только и всего. Вы видали, какъ онъ живетъ-то?

Дауры по р. Немэру

— Видаль... — То-то и оно! Бариномъ живеть. И отъ начальства благодарность получаетъ, потому что въ исправности себя содержитъ. Къ нему тоже лихомака не скоро пристанеть, даромъ что ученый.

— Разныя глупости устраиваетъ... Съ кулаками вмѣстѣ народъ обираетъ! — раздраженно сказалъ учитель, придвинувшись на локтѣ. — Это развѣ хорошо? Развѣ учитель это долженъ дѣлать?

— Ишь вы какой... съ нилу горячій! — пошутить сторожъ. — Должно быть хорошо, коли сытно живешъ. Развѣ велика честь въ чухотку себя вогнать? Нѣтъ, ты такъ жизнь устрой, что бы тебѣ, значить, мягко сидѣлось то... И что-бы нашъ братъ, хамъ, въ ножки кланялся. А то — „подлецъ“!... Нехорошимъ словомъ всякого обзывать можно.

— А какъ вы думаете, хорошо будетъ на свѣтѣ жить, если такихъ „умственныхъ“ людей очень ужъ много разведется? — спросилъ учитель, морщась отъ боли въ груди.

— Умственный — хорошо.

— Ну, а остальнымъ?

— Остальнымъ? — Сторожъ махнулъ рукой. — Остальнымъ куда и дорога.

— Какой-же вы... северный человѣкъ! — съ чувствомъ выговорилъ Зимородковъ.

Сторожъ обидливо покачалъ головой.

— Эхъ болъзынъ-то по васъ разошлась... Какое-же я кому худо сдѣлалъ?

— Да развѣ можно такъ... на жизнь смотрѣть? Развѣ жизнь человѣку для того только дана, что-бы сытно ѣсть да мягко сидѣть?

— А для чего больше? Вотъ не былъ бы ты, баринъ, въ чухоткѣ; коли бы ты всѣхъ людей

Даурь-уродецъ.

огуломъ мошенниками-то не считалъ-бы... Ты говоришь, — я северный человѣкъ; а я тебѣ скажу — вѣстоужій ты человѣкъ и вся твоя жизнь вѣстоужія. Мало васъ, этакихъ, вы думаете, помираетъ? Я, слава Господу, пожилъ... И въ городахъ жилъ. Всякихъ людей насмотрѣлся.

Видаль и шупленькихъ да слабенькихъ, какъ вы, вотъ... Много ихъ есть... А что они дѣлали? Въ чухоткѣ померли, только и всего. Ни себѣ, ни другимъ. Это какъ называется? Глупость называется, вотъ что...

Учитель закашлялся, корчась на кровати отъ боли. Сторожъ скептически поглядывалъ на его гримасы и самодовольно поглаживалъ бороду.

Такъ-то! — сказалъ онъ потомъ, когда Зимородковъ прокашлялся. Отъ всей жизни одинъ только кашель и нажили... А разговоръ съ три короба было.

— Да оставьте вы меня въ покоѣ! — жалобно закричалъ учитель. — Измучить вы меня пришли, что-ли? зачѣмъ вы насмѣхаетесь надо мной? Оставьте вы меня!

— Уйду, уйду, что-жъ!... — окончателью обидѣлся сторожъ и поднялся со скрипучаго табурета. Я къ вамъ, Александра Николаичъ, съ кулачемъ и лицами, а вы, за мою доброту, такъ меня уважили... Я же и подлецомъ вышелъ.

— Возьмите и кулачи ваши... Не нужно мнѣ ихъ! Я милостыни не хочу принимать...

— Нѣтъ, ужъ, назадъ не возьму, Александра Николаичъ. Сами знаете, какой сегодня день великій. Господь велитъ нынче самымъ жестокимъ врагамъ прощать... И милостынку мою вы примите. Богъ дастъ, сердце ваше пройдетъ... и разговѣтесъ...

— Вонъ ступайте! — не своимъ голосомъ завопилъ Зимородковъ.

— Уйду-съ. Дай вамъ, Господь, житія мирна и безпачельна...

Комната опустѣла.

Учитель ворочался на постели и кусалъ губы отъ волненія.

— Зачѣмъ я его прогналъ? — подумалъ онъ, нѣсколько минутъ спустя. — Чѣмъ онъ хуже другихъ? Такой-же, какъ и всѣ... какъ другіе... какъ люди... какъ толпа... какъ весь миръ... Онъ еще, по правдѣ говоря, сердечнѣе другихъ

ко мнѣ относился. А я, вмѣсто хорошаго слова, чуть его къ черту не пошлалъ... Гадко... глупо...

Горшача свѣча осталась видимымъ слѣдомъ пребыванія сторожа. Валились еще на полу два залепавшихъ окурка, да запахъ табаку прижился къ общему букету застоившагося воздуха.

Учитель инстинктивно усталъ глазами въ блѣдно, неподвижное пламя свѣчи и старался ни о чемъ не думать, обо всемъ забыть. Это удавалось ему плохо. Острая, ядовитая горечь закрывалась въ сердцѣ, не давая забыться. Минуты шли за минутами, — молчаливы, какъ раскрытыя могилы и безконечны, какъ вѣчность. Казалось, все замерло, все уснуло. Только напряженная мысль билась въ своей тѣсной клеткѣ, истерзанная, больная, лихорадочная.

Не страхъ передъ смертью, а страхъ передъ жизнью охватывалъ учителя.

Неужели такъ темно, такъ безсвѣтно темно кругомъ? Неужели нѣтъ ни единого луча, который прорѣзалъ-бы эту тьму, вспугнулъ-бы копошащихся гадюкъ, принесъ-бы обновленіе, счастье, новую жизнь? Ни единого луча, ни искорки?

Гдѣ-же они, люди съ сильной волей, со смѣлыми сердцами? Ихъ нѣтъ теперь, имъ выходить...

Такъ темно; такъ прочно гнѣздятся гады въ этой темнотѣ...

У учителя начинался жаръ. Губы высохли, въ глазахъ мутилось. И воплемъ раздавленнаго человѣка проснулась мысль:

— Скорѣй-же... скорѣй конецъ...

Не владейтъ что-то звучно, мѣрно загудѣло. Это ударило праздничный колоколь, недавно пожертвованный мѣстнымъ воротилою.

Одинъ за другимъ рѣзали воздухъ густые, свободные звуки.

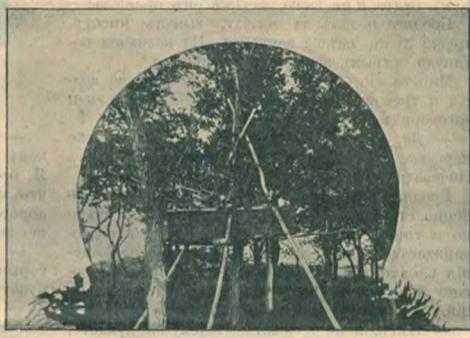
Этотъ ночной благовѣстъ что-то напомнилъ учителю.

Давно, давно... Тогда не было еще ни зла, ни добра... Было одно только наслажденіе счастливой минутой.

Мальчикомъ подъ такою благовѣстъ онъ ходилъ въ церковь. И люди казались ему такими счастливыми, добрыми... Такъ весело цѣловались.

Давно...

Учитель съ трудомъ поднялся съ постели и кое какъ добрался до окна. Прижался лицомъ

Гробъ даура въ долині р. Нони.

къ стеклу и началъ смотрѣть на темную площадъ съ освѣщенной церковью посреди.

Неужели... неужели только дѣтская иллюзія — эта общая радость?

Такъ хорошо онъ помнить, такъ ясно ощущаетъ ее...

— Нельзя безъ чистой радости быть человѣку на землѣ...

Да, нельзя. И если свѣтлаго луча еще нѣтъ, то онъ придетъ. И принесетъ съ собой радость, радость Воскресенія...

Жаръ увеличился, мысли учителя путались. Ему казалось, что онъ уже видитъ предвѣстникъ этого свѣтлага, могучаго луча. Слабое зарево... Разсвѣтъ...

Свѣтъ побѣдитъ — Воскресеніе наступитъ. Могучій, ночной благовѣстъ призоветъ къ этому воскресенію.

Нѣтъ, не умереть... Жить! Жить до этого луча, чтобы прославить его вмѣстѣ съ другими.

Ноги учителя подкосились. Онъ опустился на колѣни и смотрѣлъ впередъ ничего, не видящими, помутившимися глазами.

Потомъ онъ совсѣмъ припалъ къ полу, дрожа всѣми членами отъ жестокаго приступа лихорадки.

Но онъ не соизнавалъ своей болѣзни и твердилъ косившимъ языкомъ:

— Придетъ... Онъ придетъ!

Учитель умираетъ.

А за окномъ шли веселые, довольные и праздничкомъ, и самими собою люди...

Николай Степанъ.

Удачная охота.

Рассказъ.

Описание, — см. иллюстр. прилож. къ № 59 „Сиб. Жизнь“.

Залогинъ опять присѣлъ на землю, подложивъ подъ голову яхташъ и, незамѣтно для самого себя, задумалъ.

Во снѣ ему грезилась всякие ужасы, одинъ-другой страшнѣе. Бродяги, медвѣди, даже львы и тигры напали на мѣсто, и по одиночкѣ, терзали бѣднаго казачка за на куски и съ аппетитомъ закусывали его тѣломъ.

Пробудясь Залогинъ отъ какого-то страннаго ошущенія и, взглядываясь въ густой вечерній сумракъ, въ испугъ приподнялся.

Вотъ и бродяга. Ободранный, бородатый, въ котлахъ и съ ружьемъ.

— Начинается! — подумалъ казначей и почувствовалъ, что внутри у него сдѣлалось совсѣмъ, совсѣмъ пусто.

Бродяга смотрѣлъ на Залогина, Залогинъ — на бродягу. И оба разглядывали другъ друга внимательно и подробно.

У бродяги лицо было хмурое и непривѣтливое, какъ у настоящаго разбойника. Черезъ плечо висѣлъ сдѣланный изъ реженикъ мѣшокъ, а изъ этого мѣшка выглядывали головы и лапки всякой лѣсной дичи. Ружье было старое, одноствольное и съ такимъ куркомъ, какіе теперь только въ арсеналахъ найти можно.

Бродяга первый закончилъ осмотръ и, присѣвъ передъ казначеемъ на корточки, довольно равнодушнымъ тономъ спросилъ:

— Притомились?

Залогинъ молчалъ.

— Притомились, говорю? Отдыхаете, стало быть?

— Отдыхаю! — выговорилъ казначей и съ тоской подумалъ. — Еще издается, мерзавецъ! Какъ будто я не знаю, зачѣмъ онъ пришелъ!

Бродяга полѣзъ за пазуху, вынулъ кисетъ, трубку и не спѣша закурилъ. На казначея потянуло острымъ запахомъ „корешковъ“.

Минута тянулась за минутой, мучительно долгая и тревожная. Потомъ бродяга сплюнулъ и заговорилъ опять.

— Да, конечно, забава... И господамъ тоже поразвѣснѣ хочется. А далекокъ зашли... Ночевать, однако, здѣсь думаете?

Бродяга выглядѣлъ теперь совсѣмъ не особенно страшнымъ, а рѣчь у него звучала плавно и тинуче, какъ у человѣка, который разговариваетъ просто для пріятнаго препровожденія времени. Это обстоятельство придало Залогину бодрости и у него мелькнула мысль о спасеніи. Онъ присѣлился и сказалъ довольно бойко:

— Нѣтъ, я не ночевать. Почему вы думаете, что я далеко зашелъ? Мои товарищи здѣсь, совсѣмъ близко.

— Нѣту-ти тутъ никого! — попрежнему равнодушно возразилъ бродяга. — Въ эти мѣста рѣдко и заходитъ господа-то... Глухо.

Опять захолоуло сердце у казначея. Однако, онъ рѣшилъ испытовать еще одно средство и уже только въ случаѣ его неудачи примириться съ суровой необходимостью. Казначей впустилъ крикнулъ, нахмурилъ брови и сказалъ тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ распекалъ, обыкновенно, своихъ канцелярскихъ писцовъ:

— Да ты кто казначей?

Я то?

— Да. Что ты за человѣкъ?

А я, стало быть, охотникъ... По птичь промышляю. Вишь, вотъ — настрѣлялъ сегодня.

И бродяга хлопнулъ ладонью по своему мѣшку.

— Зачѣмъ же... зачѣмъ же ты ходишь тутъ?

— А какъ же мнѣ не ходить? Хожу, вотъ, и стрѣляю. А потомъ въ городъ, къ Афанасію Мухомичу, въ куриный рядъ. Онъ покупаетъ...

— Гм... да... а это вѣрно ты говоришь, что ты охотникъ?

Бродяга не повилъ и недоумѣвающимъ моргалъ глазами. Залогинъ смутился и сразу спалъ съ тона. Ему начинало уже казаться, что волосатый мужикъ, вмѣсто смерти, принесетъ своимъ появленіемъ спасеніе отъ напасти.

— Ты что-же, постоянно охотникъ? — спросилъ онъ уже примирительно и, даже, съ нѣсколькимъ заискивающей ноткой въ голосѣ.

— Да безъ малаго съ измалѣтства. Землишки нѣтъ, избушка плохая... Вотъ я и хожу. Настрѣляю и на базаръ, а господа кушаютъ.

— Гм... Такъ... И много... зарабатываешь?

Какой много... На порохъ, да на дробь тоже расходъ много. Самъ кормлюсь, а дѣтешекъ кормлю... Богъ посылаетъ... А достатка большаго, однако, нѣту...

Положительно, этотъ бродяга оказался очень симпатичной личностью. Казначей совсѣмъ повеселѣлъ и даже предложилъ ему свою папироску.

Солонкия женщины.

— На, покури... А потомъ расскажешь мнѣ, какъ отсюда на Григорьевскую займку пройти. Я, братецъ заблудился пемного. То есть, не то, что заблудился, а мнѣ хочется самой короткой дорогой пройти. Ты, вѣроятно, эти мѣста хорошо знаешь?

— Какъ не знать... Только, баринъ, до Григорьевской займки отсюда не вове близка будетъ... Верстъ какъ, всемо, коли не больше.

— Въ самомъ дѣлѣ? А дорогу ты можешь мнѣ показать?

— Отчего не показать... Бери ты сейчасъ прямо, къ пригнѣру, на Пяную падь, и иди по этой самой пади до Лыковыхъ ракитъ. Съ Лыковыхъ ракитъ — на Три сосны... Только Трехъ сосенъ малость не ходи, а поверни къ Зайцовой тропѣ. По тропѣ, то есть, прямо на займку и выйдешь. Найдете, чай?

— Н... не знаю! — неуверенно пробормоталъ казначей, пораженный глубокими географическими познаніями своего собеседника. — А ты не можешь-ли меня проводить?

Мужикъ снялъ шапку и почесалъ въ затылкѣ.

— Не по путѣ мнѣ, вишь... Дома-то не досужно, а то отчего-бы не проводить.

— Да я тебѣ денегъ дамъ за это. Только проводи, пожалуйста. Сколько тебѣ нужно? Рубль? Два?

— Не обидите, поди... Сколько ваша милость положить, столько и дадите... Дома-то, вотъ, только мнѣ не досужно.

Залогинъ пустилъ въ ходъ весь запасъ своего краснорѣчія и мужикъ, наконецъ, согласился.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже шагали по лѣсу: мужикъ впереди, а казначей въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— А вдругъ заведетъ куда-нибудь? — подумалъ было Залогинъ и на мгновеніе приостановился. Но отступленія, все равно, не было. Изъ двухъ золь приходилось выбирать меньшее.

Шаги они очень долго, часа два, причемъ мужикъ только разъ остановился, чтобы раскурить трубку. Казначей еле поспѣвалъ за его развалистой, но быстрой походкой. Если-бы не боялся остаться въ лѣсу опять такимъ-же одинокомъ, какъ раньше, онъ давно уже свалился бы на землю отъ усталости.

— Скоро? — спрашивалъ казначей разбитымъ, задыхающимся голосомъ.

Мужикъ утвердительно кивалъ головой и, поспывая трубочкой, шель съ прежней быстротой и съ такой уфрѣнностью, какъ будто тайга ему была болѣе знакома, чѣмъ Залогину — дорога отъ квартиры до канцелярія.

Наконецъ, вотъ и желанная опушка. А тамъ уже, совсѣмъ близко, мелькаютъ въ ночной темнотѣ огоньки займки.

— Ну, спасибо! — заторопился казначей. — Теперь я и самъ лоду. На, вотъ, тебѣ за труды. Впрочемъ, погоди еще...

Въ избушкѣ займки сдѣлали сослуживцы Залогина, ужинали, выпили и тревожились о его участи.

— Если къ утру не придетъ — нужно будетъ розыскнѣ устроить! — рѣшилъ одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ. — Онъ, вѣдь, знаетъ, рохля... Мало-ли что съ нимъ могло случиться...

Остальные соглашались съ этимъ мнѣніемъ и злились на виновника происшествія, въ значительной мѣрѣ испортившаго все удовольствіе охоты.

— Такимъ людямъ лучше дома сидѣть. Разважываясь теперь, если вылетѣтъ какая нибудь гадость.

Поздно вечеромъ, когда всѣ уже улеглись спать, дверь съ шумомъ растворилась и на порогѣ показался онъ, — самъ казначей. Оборванный, осыпанный сухой хвоей и паутинной, но съ видомъ побѣдителя. Яхташъ былъ полонъ дичью.

Его встрѣтили, конечно, кликами удовольствія. А онъ направился прямо къ украшавшимъ етоль остаткамъ сытнаго ужина, навалѣ рюмку англійской горькой и, какъ будто между прочимъ, сообщилъ:

— Неудру я поохотился, господа... Только не совѣтовалъ-бы вамъ однимъ ходить по тайгѣ. Представьте себѣ: встрѣтилъ бродягу и отдѣлался отъ него только тѣмъ, что пригрозилъ выстрѣлить. Каково?

Съ этихъ поръ дѣйствительные члены потчевали нѣкоторое уваженіе къ своему казначею. И даже прежніе его недоброжелатели соизнавались.

— Что-же? Бываетъ иногда, что человѣкъ долго не разворачивается, а потомъ вдругъ и покажетъ себя. Не удивительно, что мы и ошибались по отношенію къ почтенному товарищу.

А волосатый мужичекъ возвращался ночью по пустынной Пяной пади и подбрасывалъ на ладони три серебряныхъ рубля. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что завтра не нужно идти въ городъ на базаръ, но, вѣроятно, оставался при особомъ мнѣніи относительно мужества и выносливости казначей охотничьяго общества.

Николай Степанъ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Подписка на „СИБИРСКУЮ ЖИЗНЬ“ продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для иногороднихъ за годъ — 5 руб., помѣсячно 50 коп., для городскихъ (съ доставкою на домъ отдѣльныхъ телеграфныхъ бюллетеней) помѣсячно 50 коп. — Въ газетѣ помѣщаются и будутъ помѣщаться иллюстраціи, относящіяся къ войнѣ съ Японіей: портреты, виды, планы, карты и т. п.

Подписчикамъ ежедневно будутъ доставляться телеграммы отъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Адресъ для иногороднихъ: Томскъ. Редакція „Сибирской Жизни“.

Издатель-Редакторъ П. Макушинъ.